

Глава 4. Лик, рождённый сердцем

Чистая река, подобно ленте из зелёного шёлка, извивалась в кольце обступивших её гор. В вышине небо сливалось с зеркальной водной гладью. На топких берегах колыхались заросли густого, мягкого тростника; стебли плавно покачивались под порывами ветра, и их шелестящий шёпот казался единственным звуком в этом застывшем мире.

В нескольких шагах от берега, среди сочной травы, высились раскидистые плакучие ивы, чьи тонкие ветви свисали до самой земли зелёной кисеей. Под ними, зажатая в тиски узловатых корней, высилась огромная замшелая глыба. Всё здесь дышало умиротворением, напоминая сошедший с картины первозданный приют небожителей.

Белый лисёнок, прищулив блестящие глазки, вынюхивал что-то в траве. Вдруг сорвавшийся лист напугал зверька: не успев осмотреться, он в панике бросился наутёк, шурша сухими ветками и раздвигая стебли. В том месте, где он только что пробежал, из-под земли проступил край той самой каменной глыбы. На её выветренном боку едва угадывались высеченные знаки: «Яохуа». Рядом виднелись и другие черты, но время не пощадило их, окончательно стерев с лица камня.

— Суйфэн, — Чжао Бучжи нахмурился.

Юный страж тут же спрятал в рукав зажатый между пальцами камешек, который собирался щелчком отправить в кусты. Каждый раз, стоило им прийти сюда, характер молодого господина разительно менялся. Он словно сбрасывал привычную личину, становясь совершенно иным человеком, чуждым внешнему миру.

Здесь каждая травинка, каждый листок были дороги сердцу хозяина. А ведь за пределами этой долины он мог безжалостно оборвать десятки жизней, даже не моргнув. Весь народ государства Чжуцзуэ славил Великого наставника Чжао за справедливость и милосердие к простым людям, и никто из них не догадывался, насколько на самом деле холоден и беспощаден этот человек.

В душе Суйфэна благоговение перед господином странно мешалось с жалостью. Пятнадцать лет он верно следовал за Чжао Бучжи и знал наверняка: его хозяин особенный. То, через что ему пришлось пройти, обычному человеку не привиделось бы и в кошмарном сне.

Чжао Бучжи медленно подошел к месту, откуда только что сбежала лиса. Опустившись на колено, он смахнул скопившуюся пыль с грубой поверхности валуна и бережно провел пальцами по стершимся бороздкам.

«Долина Яохуа».

Минуло уже двадцать лет. Даже самый прочный камень со временем крошится и покрывается трещинами, что уж говорить о людях, которые подобно траве увядают и бесследно истлевают в

сырой земле. Глубокое чувство вины зашевелилось в его груди, смягчая его взгляд.

«Интересно, если её могила всё ещё цела, она ведь тоже давно заросла сорняками?..»

Суйфэн стоял к нему спиной, борясь со сложными чувствами. Гордый, непоколебимый господин, перед которым трепетали тысячи, сейчас выглядел настолько неприкаянным и измученным, что сердце сжималось от боли. Наверное, только в этой глуши он мог наконец сбросить ледяную маску, за которой скрывал многолетнюю обиду, унижения и бесконечное терпение.

Время тянулось незаметно. Ноги Суйфэна уже начали затекать. Оглянувшись и поняв, что Чжао Бучжи так и не шевельнулся, он решился негромко нарушить тишину:

— Молодой господин, до срока, назначенного Девятым принцем, осталось всего шесть дней. Если мы задержимся, можем не успеть.

Чжао Бучжи бросил на камень долгий, тяжелый взгляд, поднялся и глухо произнес:

— Кто-то идет.

Это была их первая встреча.

Прибывший незнакомец — это был Сюй Нуо — владел поразительной техникой легкости, но совершенно не умел драться. Обычный смертный, он каким-то чудом сумел преодолеть барьер, наложенный самим Восточным Нефритовым Лисом на долину Яохуа.

Всего несколько дней слежки и поисков заставили холодного, прагматичного Великого наставника проявить несвойственное ему сочувствие. А ведь всё началось с мимолётного образа в сновидении юного принца Лин Цзюмо — лишь ради того, чтобы отыскать загадочный силуэт из сна, всё государство Чжуцзуэ перевернули вверх дном.

До этого дня Чжао Бучжи и представить себе не мог, что подобные люди действительно существуют.

Солнце клонилось к закату, заливая небосвод багрянцем и окрашивая пышные облака в цвет свежей крови.

Незнакомец сидел на плоском камне спиной к ним. Никто не уловил момента его появления. Даже Чжао Бучжи заметил лишь смазанный белый росчерк вдалеке — мгновение, и таинственный гость уже устроился на валуне.

Длинные шелковистые волосы незнакомца свободно развевались по ветру, едва прихваченные

стеблем сухой травы; широкие рукава белых одеяний трепетали, не обремененные никакими украшениями. Весь его облик казался настолько неземным и легким, словно пред ними предстал сошедший с небес небожитель.

В один миг всё вокруг — раскидистые деревья, буйные травы, шербатые валуны и колышущийся тростник — словно растворилось, померкло. Перед глазами остался лишь этот одинокий силуэт, застывший в безмолвном созерцании угасающего светила.

Чжао Бучжи мгновенно понял, почему рисунки Лин Цзюмо казались беспорядочной мазней. Изобразить этот хрупкий силуэт на камне было непосильной задачей: он казался зыбким маревом, призраком, к которому невозможно прикоснуться. Прямая спина выдавала гордость, но в то же время в ней сквозила смертельная усталость. Кроваво-красный небосвод раскинулся позади него, точно пустой свиток, посреди которого одиноко застыла нарисованная фигура.

Стоило раз взглянуть на этот силуэт, как весь остальной мир переставал существовать — звуки затихали, краски блекли, и в конце концов даже сам образ казался готовым растаять без следа. Он оставлял после себя лишь щемящее, абсолютное одиночество. Удивительный человек, рождающий столь странное смятение в душе.

Потребовалось немало времени, чтобы Чжао Бучжи пришел в себя.

«Так вот почему наш высокомерный Девятый принц потерял покой... Мальчишка просто не сумел перенести на бумагу те чувства, что захлестнули его во сне при виде этого призрачного силуэта».

В груди наставника вдруг пустил корни странный побег — робкое предвкушение, смесь удивления и жгучего желания увидеть лицо незнакомца. И сквозь это чувство пробилось тёмное, необъяснимое торжество: первым, кто встретил его наяву, оказался он, а не Лин Цзюмо.

— Не бойся. Ну откуда здесь взяться людям? Вот уже три года... Должно быть, тебе, как и мне, это лишь причудилось.

Маленький белый лисёнок выскочил из травы и юркнул к нему на колени. Он тревожно тявкал, испуганно косясь в сторону незваных гостей. Облаченный в белые одежды юноша тихо заговорил с ним — его чистый, мягкий голос журчал, точно лесной ручей, умиротворяя своей неспешной, глубокой гармонией.

Чжао Бучжи невольно вздрогнул.

«Человек ли он?..»

Издалека казалось, что незнакомец сидит на валуне, но, подойдя ближе, наставник заметил:

тело белого силуэта парило в воздухе, едва заметно приподнимаясь над шероховатой поверхностью камня безо всякой опоры. Во всей Поднебесной на подобное чудо был способен лишь Восточный Нефритовый Лис. И вот теперь — этот загадочный юноша.

Поймав едва заметный кивок господина, Суйфэн шагнул вперед и заговорил, стараясь скрыть волнение:

— Позвольте узнать, молодой господин, как вы здесь оказались?

Сяо Бай испуганно высунул мордочку из складок его одежд, уставившись на пришельцев полным враждебности взглядом.

Рука Сюй Нуо, гладившая лисицу, замерла.

Три года. Три долгих года лишь этот пушистый зверек навещал его, напоминая о том, что он всё ещё существует на этом свете. Человеческого голоса он не слышал целую вечность.

Он медленно обернулся.

И все трое застыли на месте.

Совсем неподалеку от Сюй Нуо стоял человек, чей облик был знаком ему до боли, до крика.

«Чжао Тяньи... Это правда ты?»

Сюй Нуо сорвался с места. Пока Чжао Бучжи заворуженно созерцал его неземную красоту, юноша, невесомый, словно лебяжье перышко, устремился прямо к нему. Без малейшего колебания или страха юноша обвил руками его шею, крепко прижавшись всем телом. Острые ключицы больно врезались в грудь Чжао Бучжи, но удивительнее всего было другое: его собственное тело, привыкшее к постоянной опасности, даже не попыталось оттолкнуть незнакомца или встать в защитную стойку.

«Обознался», — понял Чжао Бучжи.

Словно в подтверждение его догадки, юноша едва слышно прошептал:

— Чжао Тяньи... Я так скучал по тебе.

Для Сюй Нуо эти слова были заветной мечтой. Последние десять лет он прокручивал их в мыслях тысячи раз, но так и не решился произнести вслух. И вот сегодня плотина прорвалась.

Прохладная кожа чужого лица, сильное, горячее сердце, бьющееся под ладонью... Всё это было настолько осязаемым, что у него перехватило дыхание, а к глазам подступили слезы.

«Небеса, вы наконец услышали мои молитвы?..»

Чжао Бучжи быстро сориентировался в ситуации. В глубине его темных глаз промелькнула и тут же погасла хищная искра. Придав лицу мягкое выражение, он осторожно опустил ладонь на шелковистые пряди волос юноши.

Белый лисёнок, не переносивший чужаков, метался поодаль, издавая сердитый клекот, но Сюй Нуо не обращал на него внимания.

Юноша в его руках был невероятно красив: изящный разлет бровей, ясные глаза, безупречные черты лица. От него веяло благородной сдержанностью и чистотой, не запятнанной грязью мирской суеты. Стоило бы этому созданию покинуть пределы долины, и весь мир — и мужчины, и женщины — пал бы к его ногам в безумном обожании.

Чжао Бучжи мысленно признал, что красота незнакомца потрясла его до глубины души. Однако вспыхнувшая было жалость тут же угасла, вытесненная холодным расчетом складывающегося в голове плана. Слова правды так и остались произнесенными. Молодой господин Чжао привык использовать любые подвернувшиеся возможности, выжимая из них максимум выгоды.

Сюй Нуо доверчиво прижимался щекой к его шее, пытаясь согреть свое ледяное тело у теплого чужого костра. Чжао Бучжи умерил жесткость в руках, продолжая гладить тонкую спину мужчины, хотя объятия эти казались ему непривычными и не слишком удобными.

Почти двадцать лет Чжао Бучжи жил в тисках вечного страха, унижений и затаенной злобы. Все его помыслы сводились к одному — к мести. Лишь безумная жажда однажды собственноручно покарать убийцу своей матери, заставить его выть от бессилия над пустой могилой, где так и не упокоился её прах, давала ему силы дышать день за днем.

И вдруг этот странный юноша при первой же встрече беззащитно бросился в его объятия. Он стал первым, кто соприкоснулся с его настоящим «я», доверился ему без остатка. На краткий миг в душе Чжао Бучжи промелькнула шальная мысль об уютном семейном очаге, о покое... Глупая слабость! Для того, кто стремится к великой цели, подобные чувства — смертельный яд. И всё же, глядя на это невинное лицо, он не нашел в себе сил оттолкнуть его. У него еще будет время использовать эту пешку.

«Такая редкая красота... Будет жаль, если она пропадет впустую. Он мне пригодится», — убеждал себя Чжао Бучжи, постепенно успокаиваясь.

Он мягко и обманчиво улыбнулся.

— Хочешь уйти отсюда со мной?

Сюй Нуо ответил без малейшего колебания, заглядывая ему в глаза:

— С тобой — хоть на край света.

Его безоговорочная преданность удивила Чжао Бучжи, но на лице наставника не дрогнул ни один мускул. Он осторожно приподнял лицо юноши за подбородок.

«Что ж, обзавестись столь верной и полезной игрушкой — весьма неплохая мысль».

— Я так тосковал по тебе... — прошептал Сюй Нуо, снова пряча лицо у него на плече и не видя, как изменилось выражение лица его собеседника.

— Я тоже очень скучал, — ласково отозвался Чжао Бучжи.

Он едва заметно и торжествующе усмехнулся, а в темных глазах, блеснувших холодными звездами, отразился расчетливый азарт. Но где-то в самой глубине души, в недрах уязвленного самолюбия, на краткий миг шевельнулась странная, темная ревность к неизвестному человеку по имени Чжао Тяньи.

<http://bllate.org/book/20483/2122979>